

бы принимает законы этого мира, сливается с ним, начиная рассуждать в соответствии с логикой этого мира. В "наоборотном" мире посланий полюса высокого и низкого меняются местами: мифологические персонажи предстают в безобразном облике, отталкивающем или смешном; поэт низведен с небес, ему предписано выполнение "бытовых" функций. Подобные смещения объясняются властью беса - мифологического двойника бога, лукаво вертящего миром. Так, Смерть в послании "К Вяземскому" (1811) предстает в зооморфном облике - плешивого зверя с большой косой, зверя, пресекающего земной путь человека; поэт - служащий Парнаса, чин которого пока мал, он - истопник, который «не торфом, не дровами, но глупыми стихами у Граций топит печь».

Поэтический мир шуточных посланий - это мир, исполненный страха уподобления одноглазому Циклопу, физическая кривизна которого лишь отражение кривизны нравственной. Циклоп - воплощение зла, его персонификация, ему уподоблены персонажи посланий, в которых поэт замечает признаки порока. Шуточные послания демонстрируют архетипическую ситуацию - победу Одиссея над Циклопом через обман. Такой обманный ход представлен в посланиях: сливаясь с комическим миром, опускаясь до него, автор возвышается над ним, поражая его насмешкой. В этом и заключается, по Жуковскому, талант сатирика: чтобы заметить, в чем удалается тот или иной характер от правил и понятий истинных. "Надобно иметь ясное и полное понятие о вещах, колкое остроумие, дух наблюдательности и воображение живое" (Жуковский).

С. А. Комаров
Тюмень

ЧЕХОВСКАЯ ФОРМУЛА "ВОПРЕКИ ВСЕМ ПРАВИЛАМ"

(источники, смысл, контекст)

Есть несколько мифов о Чехове - художнике и драматурге. Один из них: Чехов - это принципиальный новатор, всегда идет против правил, творит вопреки им, чуть ли не ищет, где бы их нарушить и выигрывает всякий раз от этого нарушения. Вот, например, авторитетное суждение Ф. С. Паперного: "Чайка" "действительно написана "вопреки всем правилам", опрокидывает наши привычные представления о том, как надо писать пьесы". "Вопреки всем правилам", "против условий сцены" - эти ниспровержения исполнены духом созидания". Он не просто заменял старые "правила" и "условия"

новыми, но говорил, что опасно любое правило, претендующее на непререкаемость и что застоявшийся канон превращается в шаблон". Исследователей почему-то не насторожило несоответствие этой логики убеждениям Чехова в важности профессионализма в каждом деле, его уважению к точности и прочности знания, опоре на многократность опыта и просто естественнонаучному базису чеховского образования, его многолетней практике врача.

В поддержании мифа исследователи естественно обращаются к письмам Чехова, ищут его удобные и соответствующие жанровой логике высказывания. Главной опорой служат признания художника А. С. Суворину в период работы над "Чайкой": "Пишу ее не без удовольствия, хотя страшно вру против условий сцены"; "Ну-с, пьесу я уже кончил. Начал ее *forte* и кончил *pianissimo* - вопреки всем правилам драматического искусства. Вышла повесть. Я более недоволен, чем доволен, и, читая свою новорожденную пьесу, еще раз убеждаюсь, что я совсем не драматург"; "Что касается моей драматургии, то мне, по-видимому, не суждено быть драматургом. Не везет". Приведенные в неурезанном виде высказывания Чехова свидетельствуют, как минимум, о двух моментах, явно противоречащих мифу о нем. Во-первых, он хорошо знает о том, что "правила" существуют и каковы эти "правила". Во-вторых, Чехов уважает данные "правила", он расстроен, что ему не удалось им последовать, предчувствует возможность неудачи из-за этого, сомневается в своем драматургическом даре именно вследствие понимания важности следования "правилам". Его фраза о том, что "не везет", свидетельствует, правда, о необходимости художнику внутренне, органично совпасть с этими "правилами", попасть в них, а не навязать их себе.

Проблема соотношения "правил" и таланта драматурга возникает в творческом сознании Чехова в середине 1880-х годов не случайно. Отчетливость ее постановки обнаруживает и доказывает факт внимательного чтения художником "Гамбургской драматургии" Лессинга. В письмах Чехов шутит, что не знаком с этим трудом, хотя, казалось бы, все обстоятельства прямо-таки заставляют прочесть его. Исследователи верят на слово Чехову (например, Кристина Фенц из Тюбингена), забывая о его известной скрытности. Они не придают значения и той демонстративности, с которой художник играет именем Лессинга и тем самым как бы говорит о своем безразличии к опыту и немецкого эстетика и драматурга.

Напомним то место из "Гамбургской драматургии", где Лессинг страстно полемизирует с новой критикой, отрицавшей всякую

потребность "правил" для гения и чью точку зрения сам мыслитель разделял еще недавно: "Гений презирает всякие правила! Что делает гений, то и правило! Правила только стесняют таланты! Как будто гений может терпеть какое-нибудь стеснение! Не всякий ценитель искусства - талант, но всякий талант - по природе ценитель искусства. Он самый верный ценитель всех правил. Он понимает, усваивает себе и исполняет только те, которые выражают только его собственные воззрения. Стало быть, утверждать, что правила и критика могут стеснять гения - значит, другими словами, утверждать, что примеры и упражнение тоже имеют это свойство, - значит приписывать ему ограничиваться самим собою, - даже своими первыми опытами. Кто верно судит, тот и изобретает, а кто хочет изобретать, тот должен научиться рассуждать. Только тот, кто не способен ни к тому, ни к другому, думает, что это две разные вещи".

Показательно, что проблема "правил" так или иначе возникает в сознании Чехова в связи с опытом работы комедии. Первое упоминание Лессинга приходится на время создания комедии "Леший": "Не имея возможности писать роман, начал от скуки "Лешего". Выходит скучища вроде "Натана Мудрого". Позднее размышления о таланте и "правилах" возникнут в контексте комедии "Чайка".

Переписка Чехова доказывает, что он пристально изучает отечественный комедийный опыт, имеет свои пристрастия и предпочтения в нем, отлично ориентируется в классических текстах, зная многих из них почти наизусть. Чехов обыгрывает в переписке цитаты из разных мест комедий Грибоедова и Гоголя. Время от времени игровые цитаты меняются, "прокручиваются по несколько раз, чтобы вскоре смениться другими.

А. П. Комлев
Екатеринбург

УРАЛЬСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ "СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ"

Первому изданию "Слова о полку Игореве", предпринятому в 1800 году, скоро исполнится 200 лет. Большая часть его тиража вместе с единственным изначальным списком сгинула при московском пожаре Отечественной войны 1812 года в доме владельца - графа А. И. Мусина-Пушкина. Среди немногих дошедших до нас экземпляров весьма примечателен находящийся в музее книги УрГУ. Он попал сюда в составе библиотеки Александровского (бывшего Царскосельского)

150